

концепций, истина существует вне языка: она не заключена в нем, но, будучи трансцендентной по отношению к человеку, являет себя ему, в частности, через язык — именно являет и именно в частности. Имеются и другие способы ее самовыражения, в том числе — в форме четких логических конструкций, которые, хотя и выражаются посредством языка, все же представляют собою в некотором роде победу разума над ним, — пользуясь языком в своих целях, разум полностью очищает его от специфически языкового. Силлогизм — это торжество чистого разума. Задача риторики как раз и состоит в сопряжении двух этих форм явления истины, поэтому она не отменяет логического начала текстопорождения, не разрушает воплощающие его в языковом творчестве грамматические правила — «тупа Оратория, косноязычна Поэзия... без Грамматики». ⁴⁴ Но благодаря своей языковой стихии риторика привносит в созданный по ее правилам текст сложность и многозначность, перестраивающую однозначность логического содержания в поэтический полисемантизм. В результате истина выражается в риторике не одним, а несколькими способами и, следовательно, предстает в большей своей полноте. «Священное Писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом», ⁴⁵ — замечал Ломоносов, и это суждение можно отнести к любому правильному, то есть риторическому, тексту — тексту принципиально сложному и не сводимому к простым и ясным в своей безапелляционности формулам. Как раз таким текстом и является «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», отчетливо демонстрирующее многие принципиально важные черты литературной культуры риторической эпохи.

⁴⁴ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Сочинения. СПб., 1898. Т. 4. С. 11.

⁴⁵ Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце... С. 372.